

ЕВАНГЕЛІЕ ПО МАТѢЮ ¹⁾.

Краткія узаконенія Моисея о *клятвѣ*, дозволявшія ея подѣ условіемъ ея исполненія и подѣ страхомъ наказанія за ея нарушеніе (Исх. 20, 7,—22, 10—11,—Числ. 30, 3,—Второз. 5, 11,—6, 13,—10, 20,—23, 21), книжники-фарисеи развили въ сложную и обставленную формальностями систему клятвеннаго права, хотя и опредѣлявшую точно степень дозволенности и отвѣтственности клятвѣ разными предметами (ст. 34—36,—23, 16—22), но отнимавшую у клятвѣ нравственное значеніе и обращающую ихъ во вѣднѣшнюю формальность. Въ самомъ дѣлѣ: цѣль клятвы — предотвращеніе коварства или непостоянства и воспитаніе правдолюбія и вѣрности въ отношеніяхъ человѣка къ Богу и людямъ. Но эта цѣль не только не благопріятствуетъ многимъ и разнообразнымъ клятвамъ, а напротивъ, при должной высотѣ нравственнаго самосознанія, совсѣмъ и не требуетъ никакихъ клятвѣ. Сложность фарисейскаго клятвеннаго права обуславливалась, какъ это обычно, многочисленностію и разнообразіемъ нарушеній клятвы и только яснѣе указывала на лживость и коварство внутренняго настроенія (ср. Матѣ 23, 25. 33 др.). Дѣло вѣдъ не въ томъ конечно, нарушается ли клятва съ непроницаемымъ и страшнымъ именемъ Іеговы ²⁾, или съ именемъ Елогимъ,—будетъ ли имя Божіе произнесено на еврейскомъ, или же на другомъ какомъ языкѣ,—вслухъ или про себя,—замѣнится ли это имя другими словами—небомъ, землею, Іерусалимомъ, головою или жизнью клянушагося:—ложь и коварство отъ этого нисколько не приблизятся къ правдѣ

¹⁾ Продолженіе см. апрѣльскую кн. Бог. Вѣстника, стр. 511—540

²⁾ Сувѣрїе іудейско-раввинское

и вѣрности, и степень безнравственности ихъ нисколько не уменьшится. Съ точки зрѣнія нравственнаго идеала простое *да-да* и *нѣтъ-нѣтъ* или утвержденіе и отрицаніе ничѣмъ не отличается отъ клятвы. Если человѣкъ, поклявшійся именемъ Бога и призвавшій Бога какъ бы свидѣтелемъ или поручителемъ за свою вѣрность, не побойтся оскорбить и прогнѣвить своего Поручителя, то Всевѣдущій Богъ накажетъ конечно не слово само по себѣ, а дѣйствіе или ложь и клятвопреступленіе. Дѣло вѣдь не въ словѣ, а самомъ дѣлѣ,—и ложь всегда останется ложью, будетъ ли она прикрыта именемъ Бога или простымъ *да-нѣтъ*. И если замѣна имени Божія небомъ, землею и головою одинаково оскорбляетъ Бога, какъ Творца и Владыку всего, знающаго сердце человѣческое, то почему же для Него будетъ менѣе оскорбительна ложь безъ клятвы, только чрезъ обманъ слова? Человѣкъ есть образъ Божій, лжець оскорбляетъ этотъ образъ Божій въ себѣ, а вмѣстѣ оскорбляетъ конечно и свой Первообразъ. Такимъ образомъ ясное сознаніе и сильное чувство своего богоподобія, какъ своего нравственнаго идеала, не позволяютъ человѣку лгать, обманывать и коварствовать: Богъ есть свѣтъ и истина, лжець искажаетъ въ себѣ образъ Бога и тѣмъ оскорбляетъ Своего Творца и Первообразъ, независимо отъ того, прикроется ли нѣтъ обманъ клятвою такою или иною. Идеаль правды Христовой требуетъ отъ богоподобнаго духа человѣческаго правды не только въ клятвѣ и словахъ, но и въ мысляхъ или произнесенныхъ словахъ: нравственной разницы тутъ нѣтъ,—правда должна составлять внутреннѣйшую сущность и глубочайшую основу богоподобнаго духа. Такъ какъ въ ученіи о клятвѣ, какъ и во всей Нагорной Бесѣдѣ, Спаситель начертываетъ идеаль правды, то понятнымъ становится, почему Онъ, вопреки фарисейской казуистики клятвеннаго права, говоритъ: *не клянись созвѣмъ: ни небомъ... но да будетъ слово ваше: да-да, нѣтъ-нѣтъ*. А все прочее, для идеала правды, есть *излишнее* или *большее, сверх-должное*—*τὸ περισσόν*, различающееся только внѣшне и словами, а не внутреннимъ существомъ дѣла. Однакоже, при историческомъ осуществленіи Правды среди людей разныхъ временъ и народностей, не всѣ члены Церкви Христовой могутъ въ данной своей наличности возвышаться до такого

живаго и дѣйственнаго сознанія и чувства своего богоподобія и нравственнаго идеала, чтобы не пуждаться въ этомъ τὸ περιβόητον, какъ внѣшне-формальномъ и торжественномъ удостовѣреніи правдивости и вѣрности чего-либо. Въ Церкви всегда были и могутъ быть и младенцы, нуждающіеся въ молокъ вмѣсто твердой пищи (1 Кор. 3, 1—2,—13, 11,—Евр 5, 12—14,—1 Петр. 2, 2), чтобы возрасти во спасеніе и въ совершеннаго мужа, въ концѣхъ, какъ и въ древнихъ Иудеяхъ, правдолюбіе и вѣрность должны воспитываться внѣшними средствами и постепенно восходить до полнаго и дѣйственнаго сознанія богоподобія, какъ своего нравственнаго идеала. Это мудрое и необходимое правило какъ человѣческаго воспитанія, такъ и божественнаго домостроительства требуется любовью, кротостію и снисхожденіемъ болѣе совершенныхъ членовъ Церкви къ немощнымъ ся чадамъ (Римл. 15, 1—3,—1 Кор. 8, 7—12,—9, 22). Посему Господь (ср. Римл. 15, 3) въ своемъ ученіи о клятвѣ не *воспрещаетъ безусловно* это τὸ περιβόητον—*лишнее*, но только указываетъ то, чѣмъ оно обусловливается среди людей: ἐκ ¹⁾ τοῦ λογισμοῦ ²⁾—изъ зла, вслѣдствіе, отъ, изъ-за лукавства (или лукаваго). Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, примѣненіе идеала къ нравственному уровню наличной исторической дѣйствительности, обусловливаемое несовершенствомъ человѣческой природы и присущимъ ей зломъ, какъ препятствіями къ одновременному и одинаковому возвышенію всѣхъ христіанъ къ идеалу Правды Христовой ³⁾.

¹⁾ Опредѣляетъ внутреннія отношенія въ отличіе отъ внѣшнихъ—ἀπό и παρά.

²⁾ Средній родъ, хотя можетъ быть мыслимъ при этомъ и лукавый духъ, какъ первовиновникъ зла.

³⁾ Отсюда легко разрѣшаются всѣ недоумѣнія, предъявляемыя къ ученію Христа о клятвѣ. Ап. Іаковъ (5, 12) только повторяетъ ученіе Христа о внутренней правдивости и излишности клятвы съ точки зрѣнія нравственнаго идеала, какъ на побужденіе къ исполненію его указуя на возможность подпасть осужденію (или по др. чтенію: впасть въ лицемѣріе) за уклоненіе отъ идеала, за ложь и клятвопреступленіе, но не давая внѣшне-формальнаго запрещенія клятвы. Самъ Спаситель, какъ исполнившій всю правду и явившій намъ въ Себѣ единственный и всесовершеннѣйшій образецъ всецѣлаго осуществленія идеала Правды Божіей, не долженъ былъ и дѣйствительно не клялся и не божился никогда. Заклинаніе (ἐξορκισμ. др чт: ορκισμ) первосвященника Богомъ Живымъ, послѣ

Заповѣдь о *мицени* въ нѣсколькихъ мѣстахъ Пятокнижія излагается какъ *jus talionis*: *душу за душу, глазъ за глазъ, зубъ за зубъ, руку за руку, ногу за ногу, вредъ за вредъ* (Второз. 19, 19—21,—Лев. 24, 19—20,—Исх. 21, 23—24). Однакожъ это право возмездія Законодатель отнюдь не возводитъ въ само-

чего Господь далъ отвѣтъ, было ли, во 1-хъ внѣшне-формальною присягою или простымъ клятвеннымъ увѣщаніемъ и божбою (какъ наше: *Бога ради*),—это остается неяснымъ,—особенно въ виду Марк 5, 7, гдѣ мы имѣемъ дѣло конечно не съ присягою, а только съ увѣщательнымъ обращеніемъ бѣсноватаго. Во 2-хъ, оушненіе первосвященническаго заклинанія у Марка (14, 61 сл.) и Луки (22, 67 сл.) ведетъ къ мысли, что Господь далъ бы отвѣтъ и безъ этого заклинанія (какъ у Марка и Луки), а отнюдь не по принудительной для Него клятвѣ. Въ 3-хъ наконецъ, такъ какъ совершенно такое же заклинаніе бѣсноватаго осталось не исполненнымъ, то и заклинаніе первосвященника отнюдь конечно не обязывало бы Господа къ отвѣту, еслибы Онъ не долженъ былъ дать этотъ отвѣтъ и безъ всякаго заклинанія первосвященническаго. Въ соборныхъ посланіяхъ, писанныхъ апостолами изъ Двѣнадцати, мы также не встрѣчаемъ клятвенныхъ обращеній (ср. Іак 5, 12,—Ап. Петръ клялся при отреченіи своемъ, по это было до сошествія Святаго Духа и до окончательнаго посвященія его въ апостольство: Марк. 14, 76). Но Ап. Павелъ весьма нерѣдко употребляетъ клятвенныя увѣщанія и призываетъ Богово свидѣтели (1 Тесс. 5, 27,—Гал. 1, 20,—Рим. 1, 9), такъ какъ ему, какъ апостолу язычниковъ, назначено было учить наиболее немощныхъ и питать младенцевъ сначала молокомъ, а не твердою пищею (ср. Рим. 15, 1—3,—1 Кор. 8, 7—12,—9, 22). Такимъ же примѣненіемъ идеала къ нравственному уровню питомцевъ Правды Божіей (какъ подобное же было съ разводомъ и бракомъ Мат. 19, 8) обусловливалось и то, что ветхозавѣтнымъ людямъ Богъ изрекалъ Свои откровенія, обѣтованія и прещенія въ видѣ клятвы Самимъ Собою (ср. Лук 1, 73,—Дѣян. 2, 30,—7, 17,—Евр. 3, 11, 17,—4, 3,—6, 13,—7, 20—21),—также Ангель въ Апок. 10, 5—6. Въ Евр. 6, 13—17 раскрывается именно такое, примѣнительное къ людямъ и челоукообразное, значеніе клятвъ Бога въ Ветхомъ Завѣтѣ. Такъ должно понимать и дозволимость присяги въ Христовой Церкви. Какъ внѣшне-горжественная, по обряду совершаемая, клятва Богомъ, присяга есть *το περισσων*—излишняя для сильныхъ и возрастныхъ чадъ Церкви, кои и безъ присяги исполняютъ свои христіанско-государственныя обязанности и не позволяютъ себѣ лжи и обмана въ отношеніи къ людямъ и Богу. Но для немощныхъ и младенствующихъ чадъ Церкви требуется это нравственное молоко, чтобы возрасти ко спасенію и достигнуть въ мѣру возможно совершеннаго возраста. *Посему сильные должны сносить немощи безсильныхъ, а не себѣ угождать* (Рим. 15, 1),—*берегись, чтобы отъ знанія ихъ не погибъ немощный братъ* (1 Кор. 8, 11),—*для немощныхъ быть какъ немощные* (1 Кор. 9, 22). Такова Правда Христова—правда любви, простоты, смиренія, снисхожденія, мира.

цѣль и въ фатально-необходимое отмщеніе за преступленіе противъ ближняго своего. Онъ только пользуется этимъ *jus talionis*, какъ и дозволеніемъ развода, безъ точно опредѣленныхъ границъ, *по жестокосердію Іудеевъ* и для возведенія ихъ къ высшему нравственному сознанію той истины, что *не должно желать и дѣлать ближнему своему то, чего не желаешь себѣ самому*, или: *должно любить ближняго своего, какъ самого себя*. Этотъ нравственный идеаль Моисеева закона ясно открывается, во 1-хъ, въ ограниченіи этого *jus talionis* денежною пеней (Исх. 21, 29—31),—во 2-хъ, въ прямомъ указаніи нравственно-воспитательнаго значенія этого закона, при изложеніи его во Второз. 19, 19—20: *истреби зло изъ среды тебя, и прочіе услышатъ и убоятся, и не станутъ впредь дѣлать такое зло среди тебя*,—въ 3-хъ наконецъ, положительнымъ воспрещеніемъ мщенія и прямымъ новелѣніемъ *любить ближняго своего какъ себя самого* въ Лев. 19, 18,—т. е. законъ желалъ опытно довести жестокосердаго Іудея до сознанія и чувства того, что онъ причиняетъ своему ближнему, чрезъ испытаніе этого на себѣ самомъ,—и такимъ путемъ возвыситъ его до любви ближняго какъ себя самого. Уже въ Притч. 20, 22 и 24, 29 ¹⁾ этотъ нравственный идеаль сознанъ въ отрицательной формѣ не-любо-мстительности, не-злорадства, терпѣнія и предоставленія наказанія Богу. Но Господь возвышаетъ этотъ идеаль до раскрытія и положительной его стороны: *препобѣжденія зла добромъ и любви ко врагамъ*. Первое — препобѣжденіе зла добромъ — сначала высказывается въ видѣ заповѣди или завѣта: *Я же говорю* (заповѣдую, завѣщаю) *вамъ не противостать злу* (или *лукавству*, если мыслить зло отвлеченно, какъ общее начало и силу злыхъ дѣяній и проявленій лукавства въ людяхъ и діаволѣ) или *злomu* (или *лукавому*, т. е. человѣку и діаволу, если представлять зло въ его частныхъ проявленіяхъ). Иначе: не такъ должно жить и дѣйствовать въ царствѣ Христовомъ, чтобы *глазъ или зубъ стоялъ за глазъ и зубъ*.—*противъ*. *вмѣсто, взаимно глаза или зуба*, какъ это въ приведенной заповѣди Моисеева Закона.—но такъ, чтобы *зло не стояло ни*

¹⁾ „Не говори: какъ онъ поступитъ со мною, такъ и я поступлю съ нимъ.—воздамъ чловѣку по дѣламъ его.—я отпачу за зло: предоставлю Господу, и Онъ сохранитъ тебя—ср 24, 17.—25, 21—22 и Второз 32, 35

3.10,—*взвѣтънъ, вмѣсто зла*, — или, выражая вторую сторону противоположенія, ходя и не указанную прямо, но предполагающуюся: чтобы вамъ не стоять противъ зла какъ зло, не возмѣщать собою зло, не стоять зломъ злу. Такое толкованіе дается какъ общимъ значеніемъ *ἀντιστῆραι* съ дат. *τῷ πονηρῷ* и, въ особенности, очевиднымъ соотвѣтствіемъ ветхозавѣтной заповѣди, имѣющей предлогъ *ἀντί*, удерживаемый и въ заповѣди Господа, такъ и непререкаемымъ изъясненіемъ или изложеніемъ этой заповѣди другими учениками Господа: 1 Петр. 3, 9: не *воздавая зло за зло*—*καὶὸν ἀντί κακοῦ*,—Римл. 12, 17 (буквально сходно предъидущему, какъ и 1 Фесс. 5, 15). 18. 21: *не будь побѣжденъ отъ зла*—*ὄχι τοῦ κακοῦ, но побѣждай добромъ*—*ἐν τῷ ἀγαθῷ*—злу. Истолковательная связь этихъ апостольскихъ изреченій съ заповѣдью Христа безспорно дана въ очевиднѣйшемъ ихъ сходствѣ между собою. Данная заповѣдь Господа, и сама по себѣ и по изложенію ея у апостоловъ, настолько ясна, что не требуетъ другихъ истолкованій и не допускаетъ никакихъ перетолкованій ¹⁾.

¹⁾ Понимать *τῷ πονηρῷ* въ значеніи творительнаго падежа или оруднаго (не противъся *зломъ, посредствомъ зла*) невозможно уже потому, что нигдѣ, ни въ Ветхомъ Завѣтѣ (около 40 разъ) ни въ Новомъ, дательный при этомъ глаголъ не имѣетъ оруднаго значенія,—не свойственно это и классическому языку,—гдѣмъ болѣе это неестественно для писателя, чьего природнымъ языкомъ былъ семитическій (сиро-халдейскій или арамейскій) и который навѣрно употребилъ бы предлогъ для обозначенія оруднаго падежа, подобно какъ Римл. 12, 21. Также и Толстовское толкованіе заповѣди въ смыслъ *пассивнаго не-противленія злу* есть нравственно-психологическій, фізіологическій и вообще біологическій абсурдъ. Всякая жизнь есть *активное* развитіе идеи, или осуществленіе данною особою или группою особой божественной мысли о себѣ, или достиженіе своего идеала, какъ своего блага, что предполагаетъ активное сопротивленіе всякому препятствію для достиженія этой идеи, дѣятельное противостояніе злу, какъ своему противоиdealу. Жизнь нравственно-религіозная есть осуществленіе идеала Правды Божіей, какъ высочайшаго блага, дающаго высшее блаженство челоуку. Все, что препятствуетъ достиженію этого блага и блаженства, по непреложному закону жизни, должно вызывать и не можетъ не вызывать дѣятельнаго сопротивленія себѣ въ тяжеломъ подвигѣ борьбы со зломъ за добро, съ кривою за правду, съ ненавистію за любовь, со смертію за жизнь. Отреченіе отъ чьей брани есть нравственное самоубійство. Вопросъ можетъ быть только о средствахъ борьбы, кои въ области нравственно-религіозной легко и незамѣтно могутъ уклониться отъ идеала правды и употребляющихъ эти средства могутъ превратиться изъ служителей Христа въ рабовъ Антихри-

Но въ дальнѣйшихъ примѣрахъ смыслъ заповѣди выраженъ еще полнѣе и нагляднымъ образомъ. Въ нихъ Господь повелѣваетъ своимъ послѣдователямъ самоотверженіемъ, кро-

ста Это *ло для добра*—вѣчное орудіе зла противъ добра—Господь и воспрещаетъ Своимъ послѣдователямъ, но повелѣваетъ зло преодолѣвать добромъ, противостоять ему *дѣлательно* (противостоять *недѣлательно* невозможно) самоотверженною готовностію къ перенесенію обидъ (*обрати, отдай, иди*), удовлетвореніемъ просьбъ и нуждъ ближнихъ своихъ (*дай, не отвращайся*), даже, наконецъ, дѣлательною любовью ко врагамъ (*благословляйте благо творите—халос посите*, хотя и не увѣхъ чит., *мо итеть*) Образецъ такого *дѣлатьеьнаго противленія* злу явилъ намъ Господь въ подвигъ Своего спасительнаго служенія человечеству вообще, особенно въ искушеніи огь дьявола, изгнаціи *бѣсовъ* и изцѣленіи больныхъ, воскрешеніи мертвыхъ, въ обличеніяхъ фарисеевъ, наконецъ въ добровольныхъ страданіяхъ и смерти крестной (Матѣ. 26, 52—54). Изъ апостольской исторіи можемъ указать на Дѣян. 5, 1—10,—8, 18—24,—13, 6—11 Это есть своего рода борьба за существованіе въ области нравственно-религіозной,—борьба за существованіе богоподобнаго духа человеческого, за правду, за жизнь, за благо, миръ и любовь Законъ самосохраненія и борьбы за существованіе въ христіанствѣ есть законъ борьбы за свое я, какъ образъ Бога и Христа, за богоподобіе духа, за правду Христову Христіанство—не пассивный фатализмъ, бездѣйственно огдающійся влншему теченію обогояенствъ, но активный прогрессизмъ. Дѣлательно *осуществляющій* свое богоподобіе и неослабно *творящій* правду Христову Соотвѣтственно сему должно понимать и христіанское ученіе о *самоотверженіи* Не свое богоподобное я, не себя самого какъ образъ Бога, не свою вѣру въ добро, правду и любовь отвергаетъ христіанинъ,—последнее утвержденіе своего богоподобія есть основное начало и высшая цѣль нравственно-религіозной жизни человеческого духа Напротивъ христіанинъ отвергается только отъ чувственно-эгоистичной и грѣховной стороны своего я, по которой онъ есть слугитель зла и рабъ смерти (Рим. 7, 14—25) Въ отношеніи къ ближнему своему христіанское самоотверженіе выражается *въ любви ближняго своего какъ себя самого* (Матѣ. 22, 39 ер Лев. 19, 18 и др.),—именно—*какъ* себя самого, а не *болѣе* себя самого Это означаетъ: христіанинъ любить въ ближнемъ своемъ *тоже самое богоподобіе его, какъ и въ себя самого*, т. е. не чувственно-эгоистичную и грѣховно-злую, но святую, духовную и богоподобную сторону личности (я) какъ своей собственной, такъ и ближняго своего. А какъ высшій и вѣднѣйшимъ выраженіемъ чувственно-эгоистичной и грѣховной стороны человеческого я служить привязанность къ землѣ и всему плотнано-материальному, то *баша селъ любяе нитьтоже имать, да што душу* (т. е. жизнь тѣлесную, земную, а не духъ, какъ начало богоподобія человеческого) *свою положить за други своя* (Іоан. 15, 13) Въ отношеніи же къ первообразу челоька—Богу и Христу—самоотверженіе христіанина выражается *въ любви Бога всеъмъ сердцемъ своимъ и всею душею своею и всеъмъ разумомъ своимъ* т. е. во *всѣхъ юамъ (бдх)* посвященіи Богу и Хри-

тостію и терпѣніемъ дѣятельно препобѣждать несправедливости отъ обидчиковъ въ отношеніи чести (ст. 39), имущества (ст. 40) и гражданственности (ст. 41)—съ одной стороны, и охотно и любовно удовлетворяютъ нужды и просьбы ближнихъ своихъ (ст. 42)—съ другой (ср. Іак. 3, 13,—1 Кор. 6, 7,—13, 7 др.).

Наконецъ Господь повелѣваетъ нѣчто еще бѣльшее — *любовь къ своимъ врагамъ* (5, 43—47). Моисеевъ Законъ, въ отношеніи ко врагамъ изъ единоплеменниковъ (напр. убійцамъ), родственникамъ убитаго предоставлялъ право мстити убійцѣ смертью за кровь убитаго родственника (Числ. 35, 19—21,—Второз. 19, 11—13,—2 Цар. 14, 7). А въ отношеніи къ иноплеменникамъ и политическимъ врагамъ Израиля прямо предписывается смертоубійственная вражда и ненависть (Второз. 23, 3, 6,—25, 17—19,—ср. Числ. 31, 14—17,—Второз. 7, 1—2, 16 др.). Однакожъ эти предписанія служатъ выраженіемъ не нравственно-идеальной стороны Моисеева Законодательства, а временно-исторической и частно-національной. Эти, какъ и другія имъ подобныя, примѣненія нрав-

сту *всей* своей богоподобной личности, *всей* ея жизни и дѣятельности. Въ отношеніи ко Христу христіанинъ долженъ *отвергнуться себя самого*, между тѣмъ какъ ближняго онъ любитъ *какъ себя самого*. Понятно это. Нашъ ближній есть такой же образъ Бога и Христа, какъ и мы сами,— а Богъ и Христосъ—нашъ первообразъ, осуществленный Христомъ и безконечно насъ превышающій нашъ идеаль. Поэтому, постепенно приближаясь къ этому идеалу, наше я какъ бы оставляетъ данную ступень своего нравственного совершенства, какъ бы отвергается себя и восходитъ все на высшую ступень богоподобія, возростая въ новаго и совершеннаго чловѣка по Богу и по Христу. Такъ и самоотверженіе Спасителя нашего (*ἐκένωσεν*) состояло не въ томъ, чтобы Онъ, по Своей божественной сторонѣ, отвергся Своего сыновства Богу, а по чловѣческой—спускаться бы до того, чтобы жертвовать изъ-за любви къ людямъ нравственно-религіозными началами Своего спасительнаго служенія (напр. въ искушеніи отъ діавола, ср. также Мѣ 12, 39 сл. 16, 1 сл. 26, 52—54,—27, 42 др.),—но въ томъ, что Онъ, не почитая хищеніемъ Свое равенство Богу и не преставая быть Сыномъ Божиимъ, Себя уничижалъ, пріялъ образъ раба и сталъ чловѣкомъ, смирилъ Себя и бывъ послушнымъ даже до смерти (Филиппи 2, 6—8). Такимъ образомъ, напротивъ, осуществилъ въ Себѣ и явилъ людямъ полное Свое богочеловѣчество, т. е. полное божество и полное чловѣчество,—и тѣмъ самымъ дѣйствительно и дѣйственно осуществилъ тотъ первообразный идеаль, по коему созданъ и къ коему стремится богоподобный духъ чловѣка,—почему и есть Онъ истинный и единственный Спаситель чловѣчества.

ственного идеала къ данной исторической дѣйствительности. повторимъ, обусловливались необходимостію основанія и утвержденія теократіи жестокосердымъ Израилемъ и среди жестокосердыхъ язычниковъ. Напротивъ, гдѣ въ Ветхомъ Завѣтѣ рѣчь идетъ съ точки зрѣнія чисто нравственного идеала, независимо отъ историческихъ условій устроенія Израилемъ теократическаго государства, тамъ дается прямая заповѣдь: *не враждуй на брата твоего въ сердце твоемъ .. не мсти и не имѣй злобы на сыновъ народа твоего, но люби ближняго твоего какъ самого себя.... Богъ любитъ пришельца, любите и вы пришельца* (Лев. 19, 17—18,—Второз. 10, 19,—Исх. 23, 4—9 ср. Второз. 22, 1—4,—Иов. 31, 29,—Псал. 7, 5,—Притч. 20, 22,—24, 17. 29,—25, 21—22). Но этотъ нравственный идеаль любви къ другому и отреченія отъ мщенія и зложелательства врагу въ Ветхомъ Завѣтѣ представленъ на низшей ступени нравственного его сознанія,—а именно: какъ любовь къ *ближнему своему* и какъ *отрицаніе зли* въ отношеніи къ врагу своему. Это—любовь, стоящая на низшей ступени нравственного сознанія, извѣстная и мытарямъ и язычникамъ (ст. 46—47), основывающаяся на общечеловѣческомъ свойствѣ любить любящихъ насъ и привѣтствовать братьевъ своихъ, ограничивающаяся *ближнимъ своимъ*—братомъ, ближайшимъ родственникомъ, единоплеменнымъ сыномъ народа своего (какъ Лев. 19, 11—18 и Исх. 23, 4—9 по сравн. Второз. 22, 1—4),—и не простирающаяся далѣе любовнаго состраданія къ пришельцу народа своего (какъ Второз. 10, 19,—Лев. 19, 10,—Исх. 23, 9). Отношеніе же ко врагу, какъ мы говорили уже, ограничивается только *отрицательнымъ* выраженіемъ идеала правды—*немстительностію, незлорадствомъ, незложелательствомъ, вообще незломъ*,—причемъ и такое *незлое* отношеніе ко врагу ограничивается единорѣдцемъ и единоплеменникомъ—въ законѣ Моисеевомъ несомпѣнно, а въ агіографахъ наивѣроятнѣе, пбо неопредѣленно. Такъ толковали эту заповѣдь и фарисеи ¹⁾. Вопреки имъ Господь выражаетъ и эту заповѣдь, какъ и другія, въ совершенно соответствующемъ ея нравственному идеалу видѣ *любви не только къ ближнимъ своимъ, но и ко всѣмъ, безъ всякаго*

¹⁾ Ср ст 46—47, гдѣ рѣчь о *συνός*; и *πρὸς*; предъ язычниками и мытарями, съ Лук. 10, 29—37

ограниченія, *врагамъ своимъ*,—и притомъ любви, не насенной, не выражающейся только въ отрицательной формѣ не мстительности, не злорадства и не зла, но *любви положительной и дѣятельной*, выражающейся въ *благословеніи* проклинателей, *благодѣяніи* ненавистникамъ, *молитвѣ* за обидчиковъ и гонителей ¹⁾. Основаніе для этой заповѣди Господь указываетъ въ Первоисточникѣ и Первообразѣ нравственнаго идеала Правды—въ Небесномъ Отцѣ людей, любвеобильно возсіявавшемъ солнце Свое и посылавшемъ дождь со всѣми ихъ благами, какъ на лукавыхъ и несправедливыхъ враговъ Своихъ, такъ и на добрыхъ и праведныхъ чадъ Своихъ.

Указаніемъ на этотъ наивысшій Первообразъ Правды Царства Божія, какъ на неискоренимую основу и непреодолимую силу ея въ человѣчествѣ, Спаситель оканчиваетъ раскрытіе идеаловъ Правды Своей чрезъ сравненіе ихъ съ заповѣдями ветхозавѣтнаго закона и ихъ толкованіемъ у книжниковъ и фарисеевъ: *будьте же (=итакъ будьте) вы совершенны какъ Отецъ вашъ Небесный совершенъ есть*. Дѣятельная любовь не только къ ближнимъ своимъ, но и ко всѣмъ людямъ, даже ко врагамъ своимъ, какъ дѣтямъ одного Небеснаго Отца и слѣдовательно братьямъ своимъ, всего болѣе уподобляетъ человѣка Богу и такимъ образомъ приближаетъ его къ конечной вершинѣ идеала Правды, впечатлѣннаго вдохновеніемъ Творца въ богообразномъ духѣ человѣческомъ. Идеаль этотъ поэтому дѣйствененъ въ каждой душѣ человѣческой, христіанскѣ по природѣ, а слѣдовательно какъ въ естественномъ нравственномъ законѣ совѣсти у язычниковъ (Римл. 1, 19—21. 28. 32,—2, 14—16. 26—29), такъ и тѣмъ болѣе ясно поставленъ онъ въ богооткровенномъ законѣ Моисеевомъ, гдѣ неоднократно и торжественно возвѣщается: *будьте святы, потому что святъ Я Господь Богъ вашъ* (Лев. 20, 7,—11, 45,—особенно 19, 2 предъ вышеприведенною нами заповѣдью о любви къ пришельцу, о воздержаніи отъ мщенія и злобы противъ сыновъ народа своего и о любви къ

¹⁾ Опусценіе словъ: *благословляйте проклинающихъ васъ. благодѣяйте ненавидящихъ васъ*—въ авторитетныхъ кодексахъ (Син. Вав.), Вулг. Конг. Сир. Кур. нѣк. др. нлс. для смысла заповѣди значенія не имѣетъ. Эти слова вполне соответствуютъ духу и смыслу заповѣди Христовой

близнему своему какъ къ самому себѣ—ст. 10 и 18 ¹⁾). Ср. 1 Петр. 1, 15—16). Но въ язычествѣ, подъ вліяніемъ плотяно-чувственной и грѣховно-эгоистичной стороны человѣческаго существа, этотъ идеаль богородія чловѣка принижень и искаженъ до чловѣкоподобія Бога, такъ что чувственность и эгоизмъ усвоены богамъ и язычннкъ служилъ своимъ грѣховнымъ страстямъ (см. 1-ю гл. Рим.). Въ Моисеевомъ законѣ этотъ идеаль хотя и поставленъ ясно, но, во 1-хъ, въ видѣ святости и чистоты, или ветхозавѣтной праведности отъ дѣлъ закона, коими не оправдается никакая плоть (Гал. 2, 16 и др.),—и во 2-хъ, по требованію Господа Бога повиноваться Ему и изъ страха Божія, основнаго побужденія ветхозавѣтной добродѣтели. Господь, указуя въ своей Правдѣ безусловно совершенное исполненіе закона и пророковъ—до послѣдней ноты и черты, какъ въ разсмотрѣнныхъ нами частныхъ заповѣдяхъ, такъ и теперь, въ заключеніи къ нимъ, ставитъ также ветхозавѣтную заповѣдь, какъ общій и конечной идеаль и новозавѣтной правды, по въ наивысшемъ его выраженіи и осуществленіи—*богосовершенство*, осуществленнаго въ лицѣ самого Еммануила исполнѣ и совершенно, и *богородія* или богообразнаго совершенства въ людяхъ. Наглядно это сходство и это различіе выражено въ сходствѣ общаго изложенія (формулы) заповѣдей и въ различіи частныхъ терминовъ. *Будьте же—ѣсеѣе отъ*, какъ и въ Лев. по греческому переводу и по еврейскому подлиннику, указываетъ на то, что должно быть и будетъ ²⁾ Вы—

¹⁾ Отсюда съ очевидностію слѣдуетъ, что какъ при изложеніи заповѣди о любви ко врагамъ, такъ и въ данномъ заключительномъ повелѣніи Господь имѣлъ въ виду именно это мѣсто Пятоникія

²⁾ Будущее *ѣсеѣе* въ значеніи повелительнаго конечно можно объяснить какъ вліяніемъ LXX, такъ и неупотребительностію повел. 2 л множ. отъ *είμι*. Но во 1-хъ, у самого евангелиста Матвея будущее изъясн отъ *είμι* въ значеніи повелительнаго сравнительно рѣдко употребляется, и притомъ только въ 16, 22 безъ авторитетнаго варианта, въ остальныхъ же пяти случаяхъ съ авториг вариантами (6, 5,—20, 26 дважды,—20, 27 и 23, 11),—а во 2 л множ. еще ни разу,—во 2-хъ, въ паралл. Лук. 6, 36 замѣнено *γίνεσθε*,—и въ 3-хъ въ 1 Петр. 1, 15 въ цитатѣ LXX также имѣется вариантъ *γί(ί)νεσθε*: все это заставляетъ при толкованіи *ѣсеѣе* у Матвея не опускать изъ виду указанія и на то, что послѣдователямъ Христа *не то ѣко повелѣвается* быть совершенными, какъ совершенъ Отець Небесный, но и *дается непреложное обѣтованіе* и надежда, что они дѣйствительно *будутъ такими*.

ὁμοίως, выразительно поставленное и въ греч. Лев. не имѣющее, очевидно указываетъ на новозавѣтное человѣчество въ отличіе отъ ветхозавѣтнаго, т. е. если *тѣмъ* было предписано быть святыми, то *вы* будьте совершенны. Тамъ: *ἅγιοι* и евр. *кдошим*,—а здѣсь: *τέλειοι*—совершенны, т. е. не только святы и праведны предъ Богомъ, поступая по всѣмъ заповѣдямъ и уставамъ Господнимъ безпорочно (Лук. 1, 6), но и смиренны, кротки, миротворцы, чистосерды, невоздающіе зломъ за зло, а побуждающіе зло добромъ, любящіе враговъ своихъ и благотворящіе имъ, такимъ образомъ—совершенны по возможно совершенному осуществленіи въ себѣ богосовершенства ¹⁾. Если тамъ: *потому что*—*οτι*, евр. *ки*, то здѣсь *какъ*—*ὡς* ²⁾,—т. е. тамъ указывается *причина* и побужденіе къ святости и праведности посредствомъ исполненія предписаній закона въ *требованіи Бога повиноваться* Его волѣ, какъ святой,—здѣсь дается *цѣль* и *сравненіе*, или *идеаль* богосовершенства, коего долженъ достигать человѣкъ, безъ внѣшнихъ побужденій и не по страху, а по внутреннему *блаженству* постепеннаго и вѣчнаго осуществленія человѣкомъ въ себѣ наивысшаго и наисильнѣйшаго стремленія къ Верховному своему Благу. Наконецъ,—въ Моисеевомъ законѣ: *Я Господь Богъ вашъ*—*Εγὼ Κύριος ὁ Θεὸς ὑμῶν*, или Иегова Елогейхем, Грозный Владыка и Святой Ревнитель, проклиная нечестивца даже до третьяго и четвертаго рода его и награждающій праведника всѣми благами жизни (Исх. 20, 5,—Второз. 4, 24,—5, 9,—6, 15,—Наум. 1, 2) ³⁾

¹⁾ Только во Второз. 18, 13 употребленъ терминъ *τέλειος* (= евр. *тамим*—цѣлый, неповрежденный), но съ ограниченіемъ *ἐναντίον Κυρίου του Θεου σου*, такимъ образомъ въ смыслъ ветхозавѣтной праведности по страху предъ Грознымъ Иеговою (евр. въ *εἰσποιοῦ* стоитъ предлогъ *им*, что не мѣняетъ смысла), а не по подраженію Богу какъ Небесному Отцу. Еще только въ Быт. 6, 9, употребленъ терминъ *ὁ Νοῦς*, но съ выразительнымъ ограниченіемъ: *ἐν ῥατὴν ἑαυτοῦ*. Такая рѣдкость употребленія термина въ Пятикнижии указываетъ на то, что идея богоподобнаго совершенства человѣка была преждевременна для сознанія тогдашняго Израиля.

²⁾ Разночт: *ὡσπερ*,—въ 1 Петр. разночт: *διότι* вм. *οτι*. Читеніе Θεοδориго *καθως* въ Лев. 11, 45 и Амвросіаста 19, 2 въ одномъ мѣстѣ: *sicut* (въ другомъ: *quoniam*) объясняются рефлексомъ изъ Матѣ 5, 48.

³⁾ Таковымъ открылся Богъ Израилю именно по его жестоковѣности и жестокосердію (Исх. 33, 3 5.—34, 9.—Второз. 9, 6 13.—Вар. 2, 30.—Иезек. 2, 4.—Дьян. 7, 51), чтобы посредствомъ ветхозавѣтныхъ съче-

а въ правдѣ Христовой: *ὁ Πατήρ υἱῶν ὁ οὐράνιος τέλειός ἐστι*, Отецъ вашъ Небесный совершенный, возсіявающій солнце Свое на злыхъ и добрыхъ и низпосылающій Свой дождь на праведныхъ и неправедныхъ. Для достиженія святости, требовавшейся отъ лица Святаго и Всемогущаго Господа Бога, жестокосердый Израиль должно быть трепетать предъ громомъ и молніей Синая, работать Господу со страхомъ и радоваться Ему съ трепетомъ въ безпорочномъ хожденіи по всѣмъ заповѣдямъ и оправданіямъ Господнимъ. А духовный взоръ христіанина устремленъ къ Горнему Иерусалиму и Небесному Отцу, къ восторженному созерцаію, радостному усвоенію и блаженному осуществленію совершенствъ Его правды, чтобы быть истиннымъ и возможно совершеннымъ сыномъ своего Небснаго Отца, отъ Коего низходитъ всякій даръ совершенный—истина и любовь (Іак. 1, 17—18). Чистымъ сердцемъ созерцая въ своемъ богоподобномъ духѣ совершеннѣйшій идеаль Правды Божіей и зря Бога (5, 8), новозавѣтный человѣкъ усовершеняется по образу Совершеннаго Отца Небснаго и Его Единороднаго Сына, непрестанно и постепенно преображаясь въ тотъ же образъ, какъ отъ Господня Духа. Богъ есть совершеннѣйшая правда, выражающаяся въ вѣчной дѣйственности Его ума и воли, въ непрестанномъ творествѣ истины и любви (Іоан. 5, 17). Безгрѣшный Еммануиль въ Своемъ лицѣ осуществляетъ этотъ идеаль всесовершеннѣйшимъ образомъ, явивъ во время Своей земной жизни и всегда непрестанно и дѣятельно открывая и сообщая людямъ истину и любовь, какъ выраженіе Правды Божіей. Чистымъ сердцемъ созерцая свой Первообразъ, христіанинъ вступаетъ въ новую блаженную жизнь постепеннаго и непрестаннаго осуществленія въ себѣ возможнаго богосовершенства посредствомъ постиженія истины и проявленія любви. Это непрестанное блаженство дѣятельнаго богоуподобленія человѣка въ познаніи истины и огрѣвеніи любви представляетъ конечный идеаль всѣхъ высшихъ стремленій личнаго духа человѣческаго. За предѣлами и выше этого идеала можетъ стоять уже одно только Божество, въ Коемъ нѣтъ мѣста для особно-личной жизни человѣка, а съ-

приготовить его къ пришествію Того, Кто будетъ концемъ Закона (Римъ 10, 4)

довательно и идеаль долженъ перейти въ идею и все слиться въ пантеистическомъ всебожіи. Выше этого: „будьте совершенны какъ Отецъ вашъ Небесный совершенъ есть“ или идеала *бого-совершенства* (въ смыслѣ богоуподобленія) можетъ быть только уже *богоотожествленіе* и переходъ личнаго бытія въ бытіе отвлеченной идеи божественнаго ума ¹⁾.

Таковъ идеаль Правды Христовой. Таково же должно быть и частное примѣненіе Правды послѣдователями Христа въ ихъ практической жизни и добродѣтельности. Посему въ соотвѣтствіе *шести частнымъ заповѣдямъ закона*, на коихъ раскрывается противоположность истиннаго идеала Правды Христовой лжеправдѣ фарисейской,—и теперь, для выясненія противоположности между христіанствомъ и фарисействомъ въ отношеніи добродѣтельности, Господь беретъ *шесть частныхъ добродѣтелей*: милостыню (6, 2—4), молитву (6, 5—15), постъ (6, 16—18), нестяжательность (6, 19—34), смиреніе (7, 1—5) и благоговѣніе (7, 6).

Но и здѣсь, какъ и въ первой половинѣ (5, 17—20), частное раскрытіе предваряется общею темою, выражающею противоположность между христіанскою и фарисейскою добродѣтельностью или праведностію (6, 1): *старайтесь правду вашу (выше возвыщенную вамъ) не творить предъ людьми, чтобы быть видимымъ имъ,—если же нѣтъ, награды не имѣете у Отца вашего, Сущаго на небесахъ* ²⁾. Если идеаль Правды Христовой есть созерцаніе и осуществленіе человѣкомъ совершенствъ Небеснаго Отца, т. е. истины и любви, то и праведность или добродѣтели человѣка должны быть внутреннимъ подвигомъ очищенія сердца человѣческаго, дабы богоподобный духъ яснѣе и чище могъ зрѣть въ себѣ Бога—Его истину и любовь. Наградой за такую добродѣтель служитъ

¹⁾ Это *ὅτι* или др чт *ὅτι* глубоко и существенно отличаетъ ученіе Христа отъ буддійско-пантеистическаго ученія о переходѣ дѣятельно-личной жизни человѣка къ безлично-мертвому *покою* Нирваны въ сліянніи съ Божествомъ. Христіанинъ есть и будетъ становиться непрестанно не Богомъ, но *только какъ Богъ*. Вѣчное блаженство дѣятельно-личнаго нравственнаго самоусовершенія (прогресса) есть основная истина христіанской нравственности.

²⁾ *προσέχετε*—усиленно, тщательно старайтесь, прилежите,—имѣйте напругенное стараніе *δικαιοσύνην*, какъ Син Ват Вудг. др. вм. *ἐλεημοσύνην*, какъ др и Сл Русс,—съ *τιν* указываетъ на 5, 20 и слѣд

самоблаженство осуществленія ея и непрестаннаго приближенія челоуѣка къ совершенству Небснаго Отца, слѣдовательно не на землѣ, а на небѣ. Фарисейская лжеправедность, напротивъ, вся сосредоточена на землѣ, на показности ея людямъ, на прославленіи среди нихъ. Эта, и только эта, чисто вѣшняя награда, какъ бы плата за трудъ, и возможна для такой лжедобродѣтели, хотя бы и очень трудной и тяжелой, но не очищающей сердце и не усовершеншающей духъ по его первообразу.

Итакъ истинная добродѣтель есть внутренній подвигъ духа предъ своимъ идеаломъ и въ созерцаніи награды у Отца Небснаго,—а не вѣшній трудъ тѣла, самъ по себѣ, и тѣмъ болѣе не тщеславная самоправедность предъ людьми, изъ-за награды прославленія у нихъ (23, 5—7). Это общее положеніе раскрывается потомъ на частныхъ примѣрахъ.

Фарисейская лжеправда всегда и вездѣ высоко цѣнитъ *милостыню* (6, 2—4), какъ средство показать людямъ свою особность отъ грѣшниковъ, грабителей и обидчиковъ,—и вызвать къ себѣ удивленіе толпы. Но дальше тщесавія не идетъ такая милостыня,—въ этомъ ея полное самоудовлетвореніе и награда. Напротивъ, какъ внутренній подвигъ подражанія Небсному Отцу въ любви къ людямъ, христіанская милостыня должна быть тайная, даже для самыхъ близкихъ лицъ (какъ лѣвая рука къ правой), и отъ нихъ (ихъ совѣтовъ и пр.) нимало не зависящая. Ея цѣль — богоуподобленіе. Ея награда—внутреннее самоблаженство отъ сознанія всеобщаго братства людей и исполненнаго долга къ осуществленію царства Божія, гдѣ царь—Отецъ Небсній, а подданные—дѣти Небснаго Отца и братья между (собою ¹⁾)

Такова же должна быть и *молитва* христіанина въ отлучіе отъ фарисейской. Какъ выраженіе врожденнаго стремленія челоуѣческаго духа къ своему первообразу въ искреннемъ религіозномъ чувствѣ, истинно-христіанская молитва ищетъ уединенія и сосредоточенности, а не показности и

¹⁾ Для правильнаго уразумѣнія какъ этой, такъ и другихъ заповѣдей Господа, необходимо имѣть въ виду, что въ Нагорной Бесѣдѣ рѣчь о милостынѣ, какъ религіозно-нравственномъ подвигѣ и частномъ осуществленіи идеала Правды Христовой. Но здѣсь конечно отноды не воспрещается благотворительность, какъ общечелоуѣческая, свойственная всѣмъ религіямъ, и даже какъ гражданская добродѣтель.

выставленія на видъ всѣмъ (6, 5—6),—искреннее религиозное чувство выражается не въ напыщенной велерѣчивости, но въ краткости и силѣ выраженія (6, 7),—наконецъ въ молитвѣ христіанина не должно быть мѣста никакимъ эгоистичнымъ требованіямъ и самохвальству, но она должна быть довѣрчиво-смирненнымъ обращеніемъ сына къ милости и любви Небеснаго Отца, Который Самъ прежде и лучше знаетъ нужды Своихъ дѣтей (6, 8 ср. Лук. 18, 11—14). Затѣмъ приводится и самый образецъ молитвы. Воззваніе отвлекаетъ духъ молящагося отъ земли къ небу, сосредоточиваетъ его умъ на созерцаніи божественнаго идеала Правды и увлекаетъ его сердце къ Небесному Отцу (ср. Рим. 8, 15), хотя и оставляя его какъ бы наединѣ съ Нимъ для таинственнаго единенія, но при этомъ „нашъ“ Отецъ, а не „мой“ служитъ какъ бы психологически-необходимымъ выраженіемъ отрицанія эгоизма въ молитвѣ и глубокаго сознанія сыновства своего Небесному Отцу въ дѣйственномъ чувствѣ братской любви ко всѣмъ людямъ ¹⁾. Слѣдующія затѣмъ прошенія раздѣ-

¹⁾ *Πατερ υμων*, т. е. не нашихъ только ближнихъ въ какомъ бы то ни было отношеніи, но всѣхъ людей, даже и нашихъ враговъ, ср. 5, 44—47. Представленіе и названіе Бога отцемъ, какъ одно изъ выраженій общечеловѣческаго нравственнаго идеала, начертаннаго въ христіанской сторонѣ богоподобнаго духа челоуѣческаго, не могло быть чуждымъ ни язычникамъ (*pater*=*Ζεϋς πατερ*, Отецъ боговъ и людей,—тоже въ Индійской и другихъ религіяхъ),—ни тѣмъ болѣе Вѣтхому Завѣту, особенно книгамъ учительнымъ и пророческимъ, составляющимъ въ историческомъ раскрытіи Правды Божіей какъ бы переходную ступень отъ Моисеева Закона къ Новому Завѣту Христову: см. Исх. 4, 22, — Вгороз. 14, 1—32, 6 (ср. Быт. 6, 2),—2 Цар. 7, 14,—Псал. 2, 7,—88, 27.—Иса. 63, 16,—64, 8.—Иерем. 3, 4 19.—Ос. 1, 10,—11, 1 ср. Прем. Сол. 14, 3.—Сир. 23, 1.—Тов. 13, 4,—3 Макк. 6, 2. Но эта идея, пока Еммануилъ не осуществилъ въ Своемъ лицѣ, жизни и ученіи весь идеалъ божественной правды о челоуѣкѣ, не была ясно и дѣйственно усвоена челоуѣчествомъ въ видѣ всебратства челоуѣческаго и любви даже ко врагамъ своимъ. Это было только предчувствіе и предначертаніе новозавѣтнаго идеала. Примѣчательно, что у раввиновъ хотя и употреблялось названіе Бога Отцемъ (въ Талмудѣ встрѣчается выраженіе о Богѣ: *Отецъ нашъ на небесахъ*), но съ нѣкоторою какъ бы нерѣшительностію и боязливостію предъ Самозаключеннымъ Верховнымъ Владыкою, Коего святость избѣгается непосредственныхъ общеній съ грѣховно-нечистою тварью и пользуется для сего посредниками—Месрою (Словомъ) и ангелами. Такъ Иса. 63, 16 вѣ: „Ты, Господи,—*Отецъ нашъ*“ Таргумисты перефразировали „поелку Ты еси и милости Твои обильны на насъ, *какъ* (др. чтеніе: *отъ*)

ляются на двѣ половины: въ первой духъ молящагося устремленъ къ Богу (*Твое, Твое, Твоя—бгв*), во второй—къ себѣ и къ человѣчеству (*нашъ, намъ, насъ—ημων, ημιν, ημας*). При этомъ прошенія представляютъ постепенное какъ бы нисхождение молитвеннаго духа отъ высшаго къ низшему — отъ Отца Небеснаго къ злу, объемлющему міръ и угнетающему человѣка, или отъ созерцанія своего идеала къ данной дѣйствительности своей. Послѣ: *Отецъ нашъ Небесный*, какъ Первоисточникъ, Первообразъ и Первосила Правды, начертанной въ богоподобномъ духѣ человѣка, слѣдуетъ: *да святится имя Твое*,—т. е. истина и любовь Бога, какъ выраженіе Его существа, да *священнодѣйствуется* въ сердцахъ людей (ср. 1 Петр. 3, 15) и возносится къ Небесному Отцу какъ жертва святая и богослуженіе въ духѣ и истинѣ (ср. Иоан. 4, 23—24), по образу Совершителя спасенія нашего, освятившаго и давшаго Себя за насъ въ избавленіе насъ отъ грѣха и въ жертву за нашу святость (ср. Иоан. 17, 17—19,—1 Кор. 1, 2,—6, 11,—Еф. 5, 26,—1 Тим. 5, 23,—Гал. 1, 4,—1 Тим. 2, 6,—Тим. 2, 14,—посл. къ Евр. и др.). Послѣ *священнодѣйствія духа и истины* въ каждомъ вѣрующемъ молитвенный взоръ его устремляется къ осуществленію *любви* Отца Небеснаго въ людяхъ посредствомъ всеобщаго братскаго единенія ихъ въ *Царствъ Божіемъ*,—той любви, которую всесовершеннѣйше осуществилъ Спаситель, основавшій на ней Свое всенародное и вселенское царство (ср. 5, 44—48,—18, 1—4,—Иоан. 15, 12—19,—17, 26,—18, 36,—Римл. 5, 5—8,—ср. 1 Кор. 13 гл. и др. м.). Потомъ молящійся *отъ неба* бросаетъ свой духовный взоръ *на землю* и, созерцая разстояніе между ними въ отношеніи постиженія божественной истины и осуществленія божественной любви, желаетъ уравнивать въ нихъ исполненіе святой *воли* Небеснаго Отца, которую всесовершеннѣйше сотворилъ Спаситель и которую Онъ открылъ людямъ въ Своемъ *ученіи*,—божественной воли о томъ, чтобы люди были совершенны, какъ Отецъ ихъ Небесный совершенъ (ср. 7, 21,—12, 50,—26, 42,—Иоан. 4, 34,—

Отца на дѣтей,—тоже Иса 64, 8.—Иерем 3, 4 вм: *Отецъ мой* Тарг: *Господь мой* (риббуни) Ты, Искушитель мой Тоже Иерем 3, 19 вм *ави—Отецъ мой*, Тарг: *риббуни*—Господь мой, — Ос 1, 10 вм: *вы сыны Бога Живаго* Тарг: *народъ* Бога Живаго,—11, 1 вм: *Сына Моего* Тарг: *сходствъ съ LXX*

6, 36 и др.). Постѣ этого прошенія, въ коемъ небо сравнивается съ землею, молящійся сосредоточивается исключительно на землѣ, отъ созерцанія идеала въ Отцѣ Небесномъ переходя къ себѣ самому и своему настоящему бытію на землѣ, такъ далеко отстоящему отъ небеснаго идеала. Здѣсь прежде всего возникаетъ гнетущая забота о питаніи тѣла, безъ коего на землѣ невозможна и жизнь духа. И хотя эта забота ограничивается, согласно заповѣди Спасителя (6, 34), только дневнымъ пропитаніемъ, но все же человѣкъ вынуждается жить не для одного Слова Божія, но и для того, чтобы *въ потѣ лица своего ѣсть хлѣбъ свой* ¹⁾. О возможно-большемъ освобожденіи отъ этихъ земныхъ и житейскихъ попеченій естественно молить богоподобному духу у Небеснаго Отца, чтобы тѣмъ безпрепятственнѣе и полнѣе осуществлялась воля Божія о Правдѣ въ людяхъ, правдѣ истины и любви,—и чтобы чрезъ это земля тѣмъ выше возносилась къ небу и тѣмъ тѣснѣе объединялась съ нимъ (ср. 8, 20,—Іоан. 1, 51).—Постѣ того духовный взоръ молящагося усматриваетъ еще болѣе важное несоотвѣтствіе земнаго бытія человѣка его небесному идеалу по отношенію къ его *долгамъ* или *обязанностямъ* предъ Небеснымъ Отцемъ, т. е. въ его частныхъ *преступленіяхъ* божественной правды (ст. 14) или *грѣхахъ* (Лук. 11, 4). Но обращаться за оставленіемъ

¹⁾ Терминъ *ἐπιούσιος*, по свидѣтельству Оригена, не встрѣчающійся ни у классическихъ писателей, ни въ народной рѣчи, составленъ вновь самимъ евангелистомъ отъ *ἐπιμα*. ср. *οὐσία*—сущность, по аналогіи съ *περιούσιος* (Исх 19, 5 и др: свой собственный, во владѣніи, имѣніи находящійся, евр. *сегу.лла*) и означаетъ: *къ существованію способствующій хлѣбъ*.—др: необходимый, нужный, сверхсущный, изрядный, особенный, сосущественный, вышній, небесный. Или производятъ отъ *ἐπιμα*: наступающій, грядущій, завтрашній, ежедневный, надневный (Злат.), достаточный для ежедневнаго питанія. Въ евангеліи Евреевъ, по свидѣтельству Иеронима, стояло: *махар* (вѣроятно изъ *йом ахар*: слѣдующій, завтрашній)—*crastinus*.—древнесл: насущный, наставшаго дне, достоинъ естеству, достоинъ, насущій, надневный, дневный, бытній. Смыслъ при томъ и другомъ производствѣ не измѣняется. Въ первомъ случаѣ будетъ *хлѣбъ, нужный для нашего существованія или бытія, дай намъ сегодня*. Во второмъ: *хлѣбъ нашъ подневный, нужный для наступающаго, приходящаго дня, дай намъ сегодня* (Лук: *ежедневно, подневно, поденно*). Последнему производству можетъ благоприятствовать и, ибо отъ *οὐσία* было бы *επιούσιος* (предположеніе, что Евангелистъ желалъ отличить отъ *επιούσιος*, болѣе остроумно чѣмъ вѣроятно).—и чтеніе евангелія Евреевъ

нашихъ частныхъ паденій и отступленій отъ идеала правды къ любви и милости Небеснаго Отца мы можемъ только тогда, когда общую и постоянную основу нашей нравственной жизни составляетъ Правда Божія и искреннее стремленіе къ богоуподобленію. Частнѣе: мы не можемъ искренно сознавать себя достойными милости и любви Небеснаго нашего Отца, благодѣющаго добрымъ и злымъ, праведнымъ и неправеднымъ, если сами не являемъ милость и любовь къ своимъ братьямъ, дѣтямъ Небеснаго Отца; ибо *не любящій брата своего, коего видитъ, какъ можетъ любить Бога, Коего не видитъ* (1 Иоан. 4, 20). Обращеніе къ божественной любви и ненависть къ брату своему есть служеніе Богу и Мамонѣ, безнравственный фарисеизмъ и лицемеріе. Милуя другихъ, мы уподобляемся Небесному нашему Отцу, любящему и милующему въ насъ Свой образъ. Такимъ образомъ не *око за око* и *долгъ за долгъ*, но *милость за милость* и *прощеніе за прощеніе* ¹⁾ получаемъ мы отъ любви Божіей, излившейся на насъ чрезъ Воплотившагося Сына Божія Единороднаго (ср. 18, 23—35, — Иоан. 1, 16, — Римл. 3, 24 др.). Подъ тяжестью сознанія своихъ отступленій отъ идеала Правды Божіей молящійся какъ бы еще ниже приникаетъ къ землѣ и съ трепетомъ созерцаетъ здѣсь облегающее весь міръ зло и страшную опасность для грѣшнаго человѣка подпасть *искушенію зла*, на мѣсто истины и любви поставить ложь и самолюбіе и обоготворить Мамону неправды и чувственности вмѣсто служенія и поклоненія одному только Богу въ духѣ и истинѣ (ср. 4, 10, — 6, 24, — Лук. 16, 9—13, — Иоан. 4, 24 др.). Въ виду такой опасности христіанамъ естественно обращаться къ своему Небесному Отцу съ молитвою о томъ, чтобы Онъ не допустилъ злу *вести насъ*, по немощи нашей плоти, въ *искушеніе* (ср. 26, 41 и Марк. 14, 38 и Лук. 22, 40. 46), но чтобы въ этихъ, на *человѣческую* немощь рассчитанныхъ дьяволомъ, *искушеніяхъ* *Богъ не дозволилъ быть намъ искушенными свыше того, что можемъ* (преодолѣть), и *вмѣстѣ съ искушеніемъ далъ и такой исходъ, чтобы мы могли перенести иску-*

¹⁾ Разночтеніе: *αφραμεν* прош. сов. и *αφριμεν* (или *αφριμεν*) наст. вр. не имѣетъ существеннаго значенія для опредѣленія смысла прошенія: ибо грѣшникъ, въ минуту обращенія къ милости Небеснаго Отца, уже долженъ былъ (прош.) помиловать своихъ должниковъ и возимѣть (наст.) любовь къ нимъ

шеніе (1 Кор. 10, 13,—2 Петр. 2, 9). Но если страхъ предъ искушеніемъ совершенно естествененъ въ грѣшномъ чело-вѣкѣ, особенно въ виду паденія даже и безгрѣшныхъ пра-родителей нашихъ, то съ другой стороны побѣда Спасителя надъ искушеніями діавола влагаеть вѣрующему радостную надежду и дерзновенную вѣру, что Спаситель, *Самъ иску-шенъ бывъ, можетъ и искушаемымъ помочь* ¹⁾. Созерцаніе зла, облегающаго міръ весь, и страшная мысль о легкой возмож-ности паденія для немощнаго и грѣшнаго челоувѣка въ борьбѣ съ искушеніемъ отъ этого всемірнаго зла какъ бы развер-заетъ, наконецъ, предъ взоромъ молящагося нѣдра земли и въ преисподней являетъ ему страшный образъ міродержи-теля тьмы вѣка сего и князя міра—первоисточникъ иску-шенія зломъ и самого зла. Прошеніемъ объ избавленіи отъ этого зла и его первоисточника — духа лукаваго ²⁾ оканчи-вается молитва, представляя въ этомъ прошеніи *отрицатель-ное* выраженіе того же самого, что первое прошеніе выра-жаетъ *положительно*: священіе имени Отца Небеснаго или возможно совершенное осуществленіе Правды Божіей п осво-божденіе отъ зла и его виновника или полная побѣда надъ грѣхомъ и смертію (1 Кор. 15, 54—55). Стоящія во второй половинѣ молитвы: *нашъ, намъ, насъ*, какъ и въ воззваніи (Отче *нашъ*), даетъ видѣть, что Богъ, къ Коему обращены дерзновенныя воззванія: Отецъ *нашъ*, имя *Твое*, царство *Твое*. воля *Твоя*, предстоить духовному взору молящагося, какъ любвеобильный Отецъ Небесный только при томъ условіи, когда христіанинъ со всею искренностію и глубиною сознаеть Бога Отцемъ *нашимъ*, а не *моимъ*,—и молить Его о поданіи хлѣба *намъ*, а не *мнѣ*,—объ оставленіи *намъ* долговъ *на-шихъ*, а не *мнѣ* и *моихъ*,—объ избавленіи отъ искушеній

¹⁾ Въ *πειράσειν* и *πειρασμός* отъяляются два значенія: а) *испытанія, искуса, изслѣдованія, бѣдствія* и под. какъ Лук 22, 28,—Иоан 6, 6.—Дьян. 20, 19,—Іак 1, 2—3 12.—1 Петр 1, 6—7,—2 Кор 13, 15,—Гал. 4, 14,—Евр 2, 18,—4, 15,—11, 17,—Апок. 2, 2,—и б) *искушенія* въ смыслѣ злаго уловленія или прельшенія ко злу: Матѣ: 4, 1 3,—16, 1,—19, 3,—22, 18. 35.—Иоан 8, 6.—Дьян 15, 10,—Іак 1, 13—15,—Гал. 6, 1,—1 Кор 7, 5.—1 Фесе 3, 5,—1 Тим. 6, 9.—Евр. 3, 8 9.—Апок. 2, 10.—3, 10,—и приве-денныя въ текстѣ: Матѣ 26, 41.—Марк 14, 38,—Лук 22, 40. 46,—1 Кор. 10, 13 и 2 Петр 2, 9 Отсюда объясняется Іак 1, 2—12.

²⁾ *ὁ πῦρρον* можно, какъ и 5, 37, и *ὁ πονηρός* т е діаволь, лу-кавый, зтой, какъ 13, 19—*отъ лукаваго*,—и безлично *τὸ πονηρόν*—*отъ зла*.

зла *насъ*, а не *меня*. Говоря иначе: осуществленіе Правды Божіей въ людяхъ возможно только при условіи ихъ общей любви другъ къ другу и ихъ всепародно - всемірнаго братства, основаннаго на нравственномъ идеалѣ богоподобія людей и богосовершенствъ Спасителя - Еммануила. Наконецъ, какъ содержаніе прошеній въ обѣихъ половиннахъ молитвы (*священіе, царство и воля Божія*, выраженная въ словъ Божіемъ—въ первой половинѣ, а во второй—*хлѣбъ, милость* людей другъ къ другу въ *царствѣ Христовомъ* и избавленіе отъ *искушеній зла*), такъ и заключеніе ея (избавленіе отъ *лукаваго искушителя*) позволяютъ содержаніе молитвы Господней поставить въ нѣкоторую связь съ искушеніемъ Ангела отъ діавола и со всѣмъ общественнымъ служеніемъ Его человечеству какъ Пророка, Царя и Первосвященника⁴⁾.

Третьимъ примѣромъ (6, 16—18) добродѣтели, столь же высоко цѣнившейся фарисеями, какъ и милостыня и молитва, представляетъ *постъ* (9, 14,—Лук. 18, 12). Но и эта добродѣтель у фарисеевъ своей источникъ имѣеть только въ пустомъ тщеславіи предъ людьми и прославленіи у нихъ за тяжелый подвигъ постничества. *Постясь, лице мѣры бѣ-
зуютъ мрамны видомъ и покрываютъ лица свои, чтобы от-*

⁴⁾ Само собою понятно, что въ Назарной Бесѣдѣ Господь говоритъ о молитвѣ, какъ и о другихъ выраженіяхъ Правды Божіей въ добродѣтеляхъ человека, но ея существу и значенію въ *личной* религіозно-нравственной жизни христіанина, не касаясь *общественнаго богослуженія*, какъ выраженія единенія христіанъ въ обще-соборномъ совершеніи евхаристіи въ наученіи Слову Божію, въ извѣстн. религіознаго чувства посредствомъ въсшочный и въ молитвенномъ обращеніи къ Небесному Отцу съ потребностями Церкви даннаго времени и ея всегдашними надеждами на будущее. По тому Самъ Спаситель, хотя Свои личныя молитвы и совершалъ въ единеніи (Матѣ 14, 23,—26, 36—44 и парал. Марк. 1, 35, 6, 46,—Лук. 5, 16,—6, 12,—9, 18, 28,—11, 1), но молился и въ присутствіи другихъ, какъ Матѣ 19, 13,—Иоан. 11, 41,—42,—12, 27—28, 17, 1—26,—также евхаристію Господь совершалъ въ сообществѣ съ учениками и повелѣлъ имъ совершать ее въ такомъ же единеніи между собою (Лук. 22, 19, 29,—Матѣ 26, 26—30,—1 Кор. 11, 23—26). Тоже видимъ у Апостоловъ, Дѣян. 1, 14—26,—2, 1—4,—6, 4,—12, 5.—Котос 3, 16,—1 Кор. 11—14 гл. и др. Поэтому древне-христіанское вѣросознаніе давало евхаристіи наименованіе *συνάξις* — *собораніе* (Діонисій Ареопагитъ). — и единоличное совершеніе евхаристіи (у католиковъ—молчаливая месса) едва ли свойственно общему духу православнаго ученія о соборности этого

крыться людямъ постящимся: этимъ нечерпывается потребность поста у лицемѣровъ, въ этомъ и награда за такой постъ. Напротивъ, постъ христіанина есть средство для преодоленія немощной плоти духомъ, для освобожденія его отъ дебелости чувственности и для обузданія плотскихъ страстей, обременяющихъ духъ и препятствующихъ ему возноситься горѣ—къ Отцу Небесному. Свой корень постъ имѣетъ во внутренней и неискоренимой потребности богоподобнаго духа человѣческаго возможно одухотворить душевность тѣла, чтобы тѣмъ безпрепятственнѣе жить не для жлъба одного, но для Слова Божія и идеаловъ Правды Христовой. Это — не внѣшнее, хотя бы и весьма тяжелое, самопостязаніе для людей и предъ людьми, но внутренній подвигъ духа для Небеснаго Отца и предъ Нимъ. Поэтому и награда за него— не отъ людей, а отъ Небеснаго Отца—въ блаженствѣ осуществленія Правды Божіей, въ преобразованіи душевнаго тѣла въ тѣло духовное,—помощей, смерти и тлѣнія въ славу, безсмертіе и нетлѣніе.

Противоположность фарисейства и христіанства въ отношеніи трехъ разсмотрѣнныхъ добродѣтелей выражается также въ словахъ: *ἀπέχουσιν τὸν μισθὸν αὐτῶν*—лицемѣры получаютъ плату свою, какъ наемники и рабы они имѣютъ внѣшнюю плату за свой трудъ отъ людей въ прославленіи ихъ добродѣтелей (ст. 2. 5. 16),—и: *ὁ Πατήρ σου ὁ βλέπων ἐν τῇ κρυπτῇ ἀποδώσει σοι*—Отецъ Твой, видящій въ тайнѣ, воздастъ тебѣ (ст. 4. 6. 18), какъ Своему сыну, внутреннимъ и непрестаннымъ блаженствомъ Своей Правды—истины и любви ¹⁾.

Если предъидущія три добродѣтели: *милостыня, молитва и постъ*, какъ способныя, при внѣшне-показномъ только исполненіи ихъ, питать фарисейское тщеславіе, составляютъ предметъ особенной ревности лицемѣровъ, придавая имъ

¹⁾ Чтеніе Слав.-Русск. и Ресерт: *ἐν τῇ φανερῇ*—въ явѣ постъ воздастъ— не имѣется въ Син Ват и въ древнѣйшихъ греческихъ по свид. Августина,—Сир. Курет др. мя. Но какъ и въ 5, 22 (*εἰκη*) ср 32, эта прибавка не вноситъ что-либо новое, а только яснѣе и выразительнѣе поставляетъ на видъ то, что и безъ этой прибавки заключается въ изреченіи. Въ самомъ дѣлѣ: хотя блаженство Правды Христовой и есть внутреннее состояніе человѣка, но оно неизбѣжно выражается и во внѣ, какъ въ жизни Церкви Христовой, такъ и въ будущемъ прославленіи христіанина

видъ хотя бы и внѣшне-поддѣльной святости: то слѣдующія три: *нестыжательность* (6, 19—34), *смиреніе* (7, 1—5) и *благоговѣніе* (7, 6) представляютъ полную противоположность фарисеизму, даже и по внѣшней своей сторонѣ, — и прямо отрицаются или даже осмѣиваются имъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь уже не лежедобродѣтели, а пороки, — и притомъ не *исключительно*, а только *преимущественно* свойственные фарисеямъ, но не чуждые и другимъ людямъ. Внѣшнимъ образомъ это отличіе сказывается въ безусловномъ отрицаніи этихъ пороковъ Христомъ, безъ прямого и выразительнаго сравненія съ лицемѣрами, — т. е. вмѣсто: *когда творишь милостыню, не труби предъ собою, какъ дѣлаютъ лицемеры... когда молишься, не будь какъ лицемеры... когда постигнешь, не будьте какъ лицемеры мрачны видомъ*, причемъ у фарисеевъ не отрицаются, хотя и лицемѣрныя, добродѣтели милостыни, молитвы и поста, — теперь: *не собирайте себѣ сокровищъ на земли... не судите... не дайте святыни псамъ*, причемъ предполагается, что лицемѣры все это дѣлаютъ, и даже открыто, какъ и другіе люди.

Любостыжательность, этотъ исконно-національный порокъ Израиля, не чуждый однакоже и другимъ народамъ, свое такъ-сказать типичное выраженіе нашеть въ Іудѣ Предателѣ и фарисеяхъ евангельскаго времени. Богатство у тогдашнихъ евреевъ, какъ нерѣдко и теперь, вызывало уваженіе къ себѣ, доходившее до поклоненія золотому тельцу и мамонѣ. Поэтому фарисеи не только не скрывали своего сребролюбія, но съ точки зрѣнія этого порока позволяли себѣ даже осмѣивать ученіе Христа о нестыжательности (Лук. 16, 14). Вопреки этому, Спаситель повелѣваетъ Своимъ послѣдователямъ *не собирать себѣ сокровищъ на землю, но собирать себѣ сокровища на небѣ*, потому, во 1-хъ, что земныя сокровища тлѣнны и преходящи, а небесный идеаль Правды Божіей есть сокровище постоянное и неотъемлемое, — земное богатство тлѣнно и преходяще, ничтожно и мало, есть нѣчто чужое для человѣка, не истинное и несправедное, а Правда Божія есть сокровище постоянное, неотъемлемое, свое, великое и истинное (ст. 19—20 ср. Лук. 16, 9—12, — Іак. 1, 10—11, — 5, 1—3). Во 2-хъ, сребролюбіе и любостыжательность, привязывая сердце къ пустыннымъ прикрасамъ богатства, принижаютъ духъ къ землѣ и отвлекаютъ его отъ идеаловъ

неба. *Гдѣ сокровище, тамъ и сердце*,—если сердце устремлено къ идеаламъ истины и любви, то, подобно тѣлесному оку, оно просвѣщаетъ духъ небеснымъ свѣтомъ, освобождаетъ его отъ рабства чувственности и приближаетъ его къ небесному идеалу; напротивъ, если сердце ослѣвлено пристрастіемъ къ земнымъ сокровищамъ, то и духъ весь какъ бы омрачается густою тьмою тлѣнности, ничтожества и лживости земнаго богатства (ст. 21—23). Въ 3-хъ, двухъ идеаловъ, какъ и двухъ господъ, быть не можетъ,—Богъ или мамоня,—только лицемѣрному фарисеизму свойственно мечтать о совмѣщеніи служенія Богу и Мамонѣ, но это совмѣщеніе лишь кажущееся и лицемѣрное, истинно и искренно онъ служитъ только мамонѣ, а Богу—лицемѣрно, ибо истинный идеалъ недѣлимъ (ст. 21—24). Въ 4-хъ, сребролюбіе и любостыжательность незамѣтно и постепенно развиваются изъ заботъ о хлѣбѣ насущномъ, при недостаткѣ вѣры въ Бога и въ Правду Божию. Въ виду сего Господь воспрещаетъ сосредоточиваться на этихъ заботахъ, ибо а) *душа и тѣло выше пищи и одежды* (ст. 25), слѣдовательно сначала и преимущественно должно заботиться не о скопленіи пищи и одежды, но о богѣ существенныхъ потребностяхъ человѣка по отношенію какъ къ духовной, такъ и тѣлесной сторонѣ его существа, именно: для духа — объ осуществленіи Правды Божіей, для тѣла — объ обузданіи его постомъ и приуготовленіи къ переходу его въ тѣло духовное, не нуждающееся ни въ пицѣ, ни въ одѣяніи;—б) при такомъ условіи для питанія и одѣянія человѣка потребно едва ли особенно много болѣе того, сколько надо для пропитанія птицъ,—и если эти неразумныя твари пахаютъ для себя достаточную пищу, то не странно ли трепетать за питаніе и одежду существу разумному—человѣку, богоподобному Сыну Небеснаго Отца (ст. 26);—в) погруженіе въ мелочныя заботы о завтрашнемъ днѣ не приводятъ къ цѣли и представляютъ не иное что, какъ самообманъ и неразуміе человѣка: заботясь объ обезпеченіи себя на будущее время, человѣкъ конечно предполагаетъ по-дольше и по-лучше жить, но онъ не въ страхъ прибавитъ себѣ возрасту даже на немного времени и ничѣмъ не предохранитъ себя отъ того, чтобы услышать: *неразумный, эту ночь душу твою потребуютъ отъ тебя* (ст. 27 ср. Лук. 12, 20);—г) такой же самообманъ есть и забота о роскоши въ одеждѣ и вообще въ жизни: красота

убранства есть дѣло личнаго вкуса и весьма условный предметъ,—драгоцѣнность для одного можетъ быть совершеннѣйшими пустяками для другаго,—для удовлетворенія чувства красоты полевая шляпа безконечно выше всей роскоши царственно-соломоновскихъ одѣяній (ст. 28—29): с) наконецъ это, унизительное для души и тѣла, или вообще для человѣка, притомъ безполезное и самообманчивое,—погруженіе въ суетныя заботы о завтрашнемъ днѣ, о пищѣ, питъѣ и одеждѣ,—свой глубочайшій корень имѣеть *въ языческомъ маловѣрїи* (ст. 30—32): при недовѣрїи къ своимъ, нерѣдко даже завистливымъ, не безкорыстнымъ и во всякомъ случаѣ ограниченнымъ богамъ, язычнику естественно самому заботиться о себѣ,—но истинно вѣрующій въ Бога, какъ Небеснаго Отца, Творца и Мїропромыслителя, питающаго птицъ небесныхъ и одѣвающего лиліи (т. е. въ Бога, какъ Личный Разумъ и Волю, Верховную Истину и Безпредѣльную Любовь), долженъ быть убѣжденъ, что, вдохнувъ въ человѣка Свой образъ и впечатлѣвъ въ его духъ идеаль Правды Своей, Богъ, какъ Отецъ Небесный, не можетъ обмануть своихъ чадъ и допустить ихъ похоронить эти идеалы въ суетномъ исканїи пищи и одежды.—Онъ знаетъ степень нужды людей въ этомъ и не дозволитъ погибнуть ни одному истинному чаду Своему только отъ того, что оно служитъ Правдѣ Божїей, а не мамонѣ неправды. Поэтому, въ заключеніе, Господь повелѣваетъ Своимъ послѣдователямъ *искать во первыхъ (прежде, сначала, главнымъ образомъ—прѣвѣт) царства и правды Его, и это все приложено будетъ имъ* Если сокровищемъ сердца служить осуществленіе Правды Бога въ Его вѣчномъ и единомъ, всенародномъ и вселенскомъ Царствѣ, то питаніе и одежда,—потребныя для поддержанія тѣлесной жизни на столько, сколько это ведетъ къ безпрепятственному служенію духа Правдѣ Божїей, представлять и должны представлять только *второстепенный, прикладной или прибавочный предметъ (προσθησεται буд. вр)* для человѣка. Онъ не заслуживаетъ того, чтобы его *искать (ζητεῖν)*, какъ Царства и Правды Бога, или о немъ *заботиться (μεριμνᾶν)*; онъ есть *при юженіе* второстепенное къ исканію того *перваго и главнаго (ζητεῖτε δὲ πρῶτον)*—осуществленія Правды Бога, Его истины и любви, въ Царствѣ Его среди всѣхъ людей. (ст. 33—34).

Такимъ образомъ любостыльность вела фарисеевъ, какъ

ведеть она и всѣхъ своихъ рабовъ, именно къ тому, чѣмъ они гордились предъ язычниками и мытарями - грѣшниками,—къ языческому маловѣрiю въ Бога, какъ Отца Небеснаго, и къ языческой суетности въ заботахъ о мамонѣ неправды.

Вторымъ порокомъ фарисейства и ханжества, хотя не чуждымъ и всѣмъ вообще людямъ, служить *отсутствие смиренiя, осужденiе другихъ и забота объ ихъ исправленiи* (7, 1—5). Надутые тщеслаviемъ и своею мнимою праведностию, ханжи и лицемѣры обыкновенно свысока глядятъ на всѣхъ другихъ—грѣшниковъ и мытарей. Для возгрѣванiя собственнаго самомишнiя они съ особеннымъ удовольствиемъ выстѣживаютъ въ другихъ темныя стороны и недостатки,—съ радостию смотрятъ на сучекъ въ глазѣ брата своего, а о бревнѣ въ своемъ глазѣ не помышляютъ,—преувеличиваютъ вину другаго, а себя во всемъ оправдываютъ. Смотри такъ на пороки своихъ ближнихъ, они, кромѣ того, считаютъ себя призванными заботиться объ исправленiи другихъ и изытiи у нихъ изъ глазъ сучковъ, не замѣчая или извиняя бревно въ своихъ глазахъ. Таковы ханжи и лицемѣры всѣхъ вѣковъ и народовъ, таковы же были и фарисей, обвинявшiе Христа за общенiе съ мытарями и грѣшниками (9, 13) и Его учениковъ за срыванiе колосьевъ въ субботу (12, 7), а сами оставлявшiе судъ, милость и вѣру (23, 23), поядавшiе дома вдовъ, дополнявшiе мѣру отцевъ своихъ въ пролитiи праведной крови (23, 14. 32—35). Вопреки сему Господь повелѣваетъ Своимъ послѣдователямъ *не судить* (и *не осуждать* ср. Лук. 6, 37) пороковъ братьевъ своихъ, дабы не побудить ихъ такимъ же судомъ отплатить своимъ пристрастнымъ судьямъ: ничто такъ не раздражаетъ людей и не вызываетъ въ нихъ жажды къ отмщенiю, какъ преувеличенно-несправедливое сужденiе о дѣйствительныхъ порокахъ ихъ со стороны пристрастныхъ судей ¹⁾. Врачу надо исцѣлить себя самаго, прежде чѣмъ лѣчить другихъ,—надо сначала освободить свой глазъ отъ бревна, чтобы онъ сталъ способенъ разсмотрѣть маленький

¹⁾ Талмудъ записалъ тѣ насмѣшливо-презрительныя названiя, какия народъ давалъ фарисеямъ,—тотъ самый народъ, отъ котораго фарисей такъ ревниво отдѣляли себя и который они такъ глубоко презирали (ср. Иоан. 7, 49).

сучекъ въ глазу брата своего. Въ противномъ случаѣ судя другаго, осуждаешь себя самого, ибо дѣлаешь тоже, и даже худшее (ср. Римл. 2, 1). Примѣръ представляетъ случай, когда фарисей, вмѣсто того чтобы обвинить прелюбодѣицу, сами не будучи безъ грѣха и обличаемые совѣстію, оставили женщину, которую не осудилъ и Безгрѣшный Спаситель (Іоан. 8, 3—11) ¹⁾.

Третьимъ порокомъ ханжества и фарисеизма, хотя опять и не исключительно ему только свойственнымъ, служить *отсутствіе благоговѣнія къ святынямъ* (ст. 6). Святоша-фарисей сознаетъ себя слишкомъ святымъ, чтобы благоговѣть предъ святынею. И какъ лжеправедность фарисеевъ основывается только на внѣшности и покрываетъ только поверхность ихъ души, не составляя внутренняго и живаго родника нравственной ихъ жизни, то святыня для нихъ въ сущности есть только внѣшній и бездушный фетишъ, нужный имъ только для удовлетворенія ихъ эгоизма — тщеславія и корыстолюбія. Законъ для нихъ есть заступъ для копанія земли, средство для гешефта, — подобно окрашеннымъ гробамъ, кои снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты, они по наружности кажутся людямъ праведными, а внутри исполнены лицемерія и беззаконія (23, 27 — 28). Вопреки сему Господь заповѣдуетъ Своимъ ученикамъ благоговѣть предъ святымъ святыхъ Правды Божіей и не усиливаться распространять ее такимъ образомъ и такими средствами, кои могутъ вызывать глумленіе и кощунство надъ святынею Христіанскою.

Въ соотвѣтствіе предъидущимъ, отрицательно и въ противоположеніи фарисеизму выраженнымъ, добродѣтелямъ нестяжательности, смиренія и благоговѣнія: *не собирайте, не судите, не дайте*, — теперь слѣдуетъ раскрытіе добродѣтелей въ положительномъ видѣ: *просите, поступайте, входите, берегитесь*.

¹⁾ Разумѣется конечно *нравственный судъ* въ области дѣйствованія Правды Христовой, т. е. въ Церкви, — а не судъ *внѣшне-государственный*, коего, какъ и вообще отношеній Церкви къ государству, Спаситель совѣтъ не касается (ср. 22, 16—21). Судъ Правды Христовой состоитъ въ *исправленіи порока и исцѣленіи грѣха*, а не въ *карѣ* грѣшника и осужденіи его, независимо отъ его раскаянія и рѣшимости не грѣшить болѣе. Правда Небеснаго Отца находитъ удовлетвореніе себѣ въ любви, прощеніи и жертвѣ Единороднаго Сына

Для осуществленія Правды Божіей нужно: а) усердно молиться и просить Отца Небеснаго о безпренеятственномъ осуществленіи Царства Божія и о всемъ потребномъ для сего, съ полною вѣрою и надеждою получить просимое отъ Небеснаго Отца (ст. 7—11 ср. 1, 19—34);—б) не только надѣяться на Отца Небеснаго и Его помощь, но и самимъ, осуществляя Его любовь въ себѣ и подражая Ему, любить всѣхъ какъ самихъ себя и соотвѣтственно этой любви относиться къ нимъ, а не осуждать ихъ за каждый сучецъ (ст. 12 ср. 7, 1—5);—в) самоотверженно и неослабно бороться съ міромъ, который весь во злѣ лежитъ, и съ злою стороною собственнаго существа, съ похотью плоти и гордостію житейскою (ср. 6, 24 и 1 Иоан. 2, 15—17,—5, 19); г) остерегаться фарисейзма (ст. 15—23), который подъ видомъ лжепророковъ, лжеучителей и лжепастырей—волковъ хищныхъ въ овечьихъ одеждахъ,—проникнетъ и въ христіанство, какъ проникъ онъ въ іудейство, какъ проникаетъ всюду, гдѣ есть нескрѣпленія стремленія людей къ правдѣ и идеалу (ср. 1 Тим. 4, 1—4,—2 Тим. 3, 5—9,—Матѹ. 23, 23—24 др.); истинное нравственное чувство всегда узнаетъ такихъ лжепророковъ по общему складу ихъ нравственной личности,—подобно тому, какъ по качеству плода узнается дерево,—какъ и іудейскій народъ знаетъ фарисеевъ и отличаетъ отъ ученія ихъ ученіе Христа (7, 28—29),—какъ узнается, наконецъ, и всякій истинный христіанинъ по его дѣламъ (ср. Іако. 2, 14—26.—1 Кор. 13, 1—3; Иоан. 14, 21,—1 Иоан. 2, 3—4 и др. м.).

Общимъ заключеніемъ всей Нагорной Бесѣды служитъ увѣщаніе Спасителя не только слушать, но и исполнять слова Его и чрезъ то осуществлять начертанныя Имъ идеалы Правды въ Царствѣ Христовомъ—подъ библейскимъ образомъ домостроенія (ср. Прит. 9, 1, Еф. 2, 19—22,—1 Кор. 3, 10—18.—1 Тим. 3, 15.—Евр. 3, 6 и др.) мужа разумнаго на камнѣ, а безумца—на пескѣ (ст. 24—27).

Окончивъ изложеніе ученія Спасителя въ Нагорной Бесѣдѣ, Евангелистъ считаетъ нужнымъ указать въ заключеніи на то впечатлѣніе, какое ученіе Господа произвело на народъ, въ отличіе отъ ученія книжниковъ и фарисеевъ. *И когда окончили Иисусъ слова сіи, поражаемая народъ ученію Его, ибо была утѣшительна имъ, какъ власть имѣющій, Коего слово, какъ Слово Божіе объ идеалахъ Правды Божіей, начертан-*

ныхъ Богомъ въ богоподобномъ духѣ человѣческомъ, и о блаженствѣ осуществленія ихъ въ Царствѣ Божіемъ, было живо и дѣйственно и острѣ всякаго меча обоюдоостраго, пронцающее до раздѣленія души и духа и судящее помышленія и намѣренія сердечныя (Евр. 4, 12), служба благимъ и легкимъ игомъ для труждающихся и обремененныхъ, кои находили въ Спасителѣ покой душамъ своимъ (12, 28—30),—а не какъ книжники и фарисеи ¹⁾,—конхъ заповѣдь на заповѣдь, правило на правило, тутъ немного, тамъ не много (Иса. 28, 10—13), съ ихъ преданіями старцевъ (Матѹ. 15, 2) и мелочною, большею частью безцѣльною и пустою, игрою ученыхъ толковашемъ закона,—представляли только *раскрашенный гробъ съ мертвыми костями, тяжелое и неудобноносимое бремя, возлагавшееся на плечи людямъ* (23, 4. 16—24. 27).

Этими словами оканчивается та часть евангелія, которая посвящена преимущественному изложенію пророческаго служенія Спасителя человѣчеству.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. Муретовъ.

¹⁾ Сив. Ват др: книжники ихъ (безъ фарисей),—др: книжники ихъ и фарисей, книжники и фарисей Разночтеніе для нашей цѣли не имѣетъ значенія.

Лебедев А. П. Греческие школы — общеобразовательные и духовные (церковные) в Константинопольском патриархате турецкого периода: [Из истории Греко-восточной церкви от падения Константинополя в 1453 г. до настоящего времени] // Богословский вестник 1899. Т. 2. № 5. С. 30–74 (2-я пагин.).

Греческія школы — общеобразовательныя и духовныя въ Константинопольскомъ патриархатѣ турецкаго періода.

(Изъ исторіи Греко-восточной церкви отъ паденія Константинополя, въ 1453 году, до настоящаго времени)¹⁾

III.

(Церковныя или духовныя школы: Халкинская школа, — ея происхожденіе, мѣстоположеніе, внѣшній видъ; ея организація: администрація, преподаватели, ученики, учебныя курсы, экзамены годичныя и выпускныя, — дисциплина и пр.; — вліяніе Московскаго митрополита Филарета на устройство школы; — впечатлѣнія отъ экзаменовъ и церемоніи выдачи дипломовъ въ Халкинскомъ училищѣ; — нѣчто по части статистики школы; — двѣ катастрофы въ жизни школы самаго послѣдняго времени; — судьба питомцевъ Халкинской школы; — мысли Грека по поводу юбилейнаго года этой школы. — Духовная школа въ Константинополь. — Полузаграничныя богословскія училища: Богословскій факультетъ въ Афинахъ, ея неудовлетворительность и безплодность, Ризаріевская семинарія тамъ-же. ея отклоненіе отъ своего назначенія — Вопросъ о состояніи клира Константинопольскаго патриархата текущаго времени по отношенію къ образованности; — опять: надежды на будущее)

Какъ ни странно это, Константинопольская патриархія почти до середины XIX вѣка не имѣла духовныхъ школъ; духовенство получало образованіе въ тѣхъ же общихъ школахъ, въ которыхъ учились всѣ, ищущіе просвѣщенія безъ различія ихъ будущихъ профессій. Впрочемъ нужно сказать, что Византійское государство прожило всю свою жизнь, не имѣя специально - богословскихъ школъ. Но потребности нашего времени не могли не вызвать появленія богословскихъ школъ и въ средѣ греческой церкви, которая, какъ видимъ, долго жила и руководилась преданіями древней Византіи.

¹⁾ Окончаніе См. Богосл. Вѣст., мартъ, стр 358—401.